

Лев Моносов

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ

(ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ).

Часть I.
1935-1940 гг.

Л. М. Моносов

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ (ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ
ЖИЗНИ И СМЕРТИ). ЧАСТЬ I. 1935–1940 гг.**

Монография

Чебоксары

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

2023

УДК 355/359(09)
ББК 63.3(2)6-8
М77

М77   **Моносов Л. М.**
Легендарный Кузнецов (загадки и тайны жизни и смерти).
Часть I. 1935–1940 гг. : монография / Л. М. Моносов. –
Чебоксары : Интерактив плюс, 2023. – 56 с.

ISBN 978-5-6050203-5-6

В книге рассмотрены вопросы, связанные с работой и учебой Николая Ивановича Кузнецова в Свердловске и Коми АССР в период 1935–1940 годов, когда произошли весьма знаменательные события, повлиявшие на его становление как разведчика. Приведены ранее не известные данные о деятельности легендарного разведчика в тылу врага.

Данное издание будет интересно тем, кто интересуется историей советской разведки.

ISBN 978-5-6050203-5-6
DOI 10.31483/a-874

© Моносов Л. М., 2023
© ЦНС «Интерактив плюс»,
оформление, 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. СВЕРДЛОВСК. НАЧАЛО ПУТИ.....	6
Глава II. ПРОФЕССОР ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ВЕСЕЛКИНА.....	13
Глава III. АРЕСТ	28
Глава IV. ОСВОБОЖДЕНИЕ. КТО ВЫ, РАЗВЕДЧИК КУЗНЕЦОВ?...	35
Глава V. РАБОТА В КОМИ АССР	40
*ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ	49
Список литературы.....	53

Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний назвал Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста, уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество.

Фредерик Жолио-Кюри,
лауреат Нобелевской премии по химии,
первый председатель Всемирного Совета мира
Введение

Все дальше в Историю уходят события Великой Отечественной войны. В 2023 году исполняется 80 лет с начала проведения легендарным разведчиком, Героем Советского Союза Николаем Ивановичем Кузнецовым блестящих разведывательно-диверсионных операций на временно оккупированной территории Западной Украины.

Личность разведчика Кузнецова многие десятилетия привлекает к себе особое внимание писателей, журналистов, историков и исследователей

Жизнь этого замечательного человека до сих пор окутана загадками, тайнами и белыми пятнами. Перефразируя Уинстона Черчилля, можно сказать, что «история жизни и смерти Кузнецова – это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки, но, возможно, есть ключ. Этот ключ – русский интерес...»

О работе в тылу врага и обстоятельствах гибели Кузнецова ведутся острые, порой ожесточенные дискуссии. Высказываются различные мнения, в том числе, что Кузнецов – это миф советской пропаганды, собирательный образ из целого ряда советских разведчиков, работавших в тылу у немцев. Отмечаются попытки дискредитации советского разведчика.

Вместе с тем открываются новые, яркие страницы работы Кузнецова в тылу врага. Документально установлено, что наряду с образцовым выполнением заданий командования по уничтожению главарей фашистской администрации, Кузнецов и его разведгруппа по собственной инициативе спасали людей от Холокоста и их гражданский подвиг отмечен Званием Праведника Мира.

На Украине, за освобождение которой от немецких оккупантов и их пособников – украинских националистов, сражался и отдал свою жизнь Николай Кузнецов, его объявили террористом. Снесены поставленные ему при советской власти памятники, уничтожены мемориальные доски, осквернена могила на Холме Славы во Львове.

Вновь, как и восемьдесят лет назад, там поднимают голову националисты, последователи недобитого бандеровского зверья, которых ничему не научила История.

В Ровно, где в огне Холокоста сгорело почти 25 тысяч человек и где, рискуя жизнью, Кузнецов спасал детей от уничтожения, депутат городского совета В. Шкурjak, под бурные аплодисменты, заявила: «Я горжусь тем, фактом, что среди 1500 карателей в Бабьем Яру было 1200 полицаев из ОУН и только 300 немцев»...

Не утихают споры о причинах и месте гибели Кузнецова и его боевых товарищей. Сейчас открылись факты, указывающие на то, что Кузнецов и его разведгруппа погибли в результате предательства партийных руководителей ровенского подполья, сотрудничавших с нацистами.

В работе рассматриваются вопросы, связанные в основном с деятельностью Николая Кузнецова в период 1935–1940 годов, когда произошли весьма знаменательные события, повлиявшие на его становление как разведчика. Приводятся новые данные о работе советской разведки в 1943 году на Западной Украине и в Белоруссии.

Глава I. СВЕРДЛОВСК. НАЧАЛО ПУТИ

Свердловск относился к числу стратегически важных транспортных и промышленных центров Советского Союза и всегда играл значительную роль в региональном разделении труда народно-хозяйственного комплекса огромной страны. В этом отношении он уступал лишь таким крупным городам, как Москва, Ленинград и Киев. Свердловск и Свердловская область всегда находились в зоне исключительного интереса иностранных разведок. Ещё в 1920-е годы, когда Советский Союз допускал на свою территорию иностранные компании, разведывательные организации США, Великобритании, Германии, а также Японии постарались собрать максимально полную информацию о природных богатствах края и производственном потенциале Среднего и Южного Урала.

Эта работа иностранных разведок резко усилилась в связи с началом в СССР процесса индустриализации, в котором Свердловску уделялось одна из ключевых ролей. В Свердловск Кузнецов переехал из Кудымкара в июне 1934 года и устроился на работу статистиком в трест «Свердлес». Затем работал чертежником в Верх-Исетском заводе.

Выполняя задания госбезопасности, с 15 мая 1935 года Николай Кузнецов работает в КБ (конструкторское бюро) завода Уралмаш (Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ)). Ему был присвоен оперативный псевдоним «Колонист».

Рис. 1. Здание заводоуправления УЗТМ

Уралмаш в то время являлся флагманом отечественного машиностроения. Он был построен в соответствии с планом первой пятилетки. Запуск завода состоялся 15 июля 1933 года и был приурочен к 14 годовщине разгрома Колчака и освобождения Екатеринбурга Красной Армией.

В этот период на УЗТМ работало более девяти тысяч человек. Среди них триста приглашенных высококвалифицированных иностранных инженеров и рабочих. Более половины иностранцев составляли специалисты из различных земель Германии.

Естественно, строительство и эксплуатация такого уникального завода – гиганта находилась под пристальным контролем органов госбезопасности.

Среди немецких специалистов были те, кто активно поддерживал фашизм и выполнял специальные поручения немецких спецслужб.

Через шесть месяцев после пуска, 19 декабря 1933 года, на заводе произошел взрыв и вспыхнул сильный пожар. Сгорел уникальный кузнечно-прессовочный цех. Цех был построен по проекту архитекторов Е.С. Балакшиной, М.В. Рейшера, И.И. Робачевского и являлся наиболее важным звеном в системе цехов завода-гиганта.

Профессор С.Я. Розенфельд писал, что по габаритам, оборудованию и мощности кузнечно-прессовочный цех Уралмаша стоит в одном ряду с самыми крупными заводами Европы, превосходя кузнечные цеха заводов Круппа. Строительство такого цеха оказало влияние в дальнейшем на все советское машиностроение.

Рис. 2. Кузнечно-прессовый цех УЗТМ

Следствие установило, что причиной аварии был поджог. Дело прогремело на всю страну. Была ли это диверсия или, скорее всего, грубое нарушение техники безопасности сейчас уже трудно установить. Уралмашу был нанесен очень сильный удар.

Эту трагедию пытались использовать для раскручивания маховика репрессий на Урале. Приговор суда был очень суровый. Шесть сотрудников завода были приговорены к различным срокам заключения, а пять человек, включая технического заместителя директора и заместителя по оборудованию, были приговорены к расстрелу.

Вот в таких, очень непростых условиях, началась на УЗТМ трудовая деятельность Николая Кузнецова. Он был назначен на должность расцеховщика с окладом 290 рублей в месяц.

Расцеховщик – это специалист, который на основании конструкторской документации определяет маршрут движения изделия по цехам и участкам на отрезке заготовка-изделие. Работа позволяла Кузнецову, выполняя задания госбезопасности, беспрепятственно посещать все цеха завода и контактировать с иностранными специалистами.

В Свердловске Кузнецов подает документы на заочное обучение в Свердловский индустриальный институт им. С.М. Кирова и поступает на курсы иностранных языков, которыми заведует Ольга Михайловна Веселкина.

Обучение на курсах и общение с Ольгой Михайловной Веселкиной сыграет огромную роль в формировании личности Николая Кузнецова, глубокого познания им немецкого языка, обучении культуре общения и высокому этикету.

Свердловский период жизни Кузнецова в последнее время стал предметом острых дискуссий, в которых ряд исследователей ставят под сомнение его работу на Уралмаше, оспаривают учебу в Свердловском индустриальном институте и на курсах иностранных языков Веселкиной.

Наиболее полно эти сомнения изложены в статье Юрия Райхеля [1], который считает, что командиром отряда «Победители» Д.Н. Медведевым была «запущена легенда о блестящем знании Кузнецовым немецкого языка».

В этом вопросе с Юрием Райхелем согласен Юрий Комягин. Подвергая критике работу в тылу врага разведчика Кузнецова он

утверждает : « разговоры о том, что Кузнецов не просто знал язык, а еще и некоторые диалекты, умел говорить с акцентами, присущими той или иной немецкой местности – это что-то из области фантастики, из мифа » [2].

Оба автора сравнивают работу Николая Кузнецова на Западной Украине с деятельностью бежавшего на Запад бывшего советского разведчика Николая Хохлова в Белоруссии, который, по их мнению, действовал гораздо более эффективней.

Забегая вперед, следует отметить, что о прекрасном знании Кузнецовым немецкого языка автору лично рассказывал врач партизанского отряда «Победители» Альберт Вениаминович Цессарский, который сам хорошо знал немецкий. С Кузнецовым они жили в одной землянке почти два года и постоянно общались на немецком языке.

О том, что Кузнецов в совершенстве владел немецким языком, в своих воспоминаниях пишет связной Кузнецова в городе Ровно Нухэм Кон (Метек) [3]. Это подтверждает связной в Луцке Арон (Олег) Чеповский и Вера Константиновна Довгер, которая была вместе с Кузнецовым на приеме у гауляйтера Украины Эриха Коха.

На чем основаны сомнения Юрия Райхеля? Он утверждает, что Кузнецов учился немецкому языку только в школе у учительницы Н.Н. Автокаровой, немного общался на немецком с учителем труда чехом Францем Явуреком и провизором австрийцем Краузе. Вот кто, по мнению Райхеля, мог научить Кузнецова немецкому языку. Остальное было самообразование. Этого считает автор крайне недостаточно, чтобы свободно владеть немецким языком и не быть разоблаченным работая длительное время в тылу врага.

Он ставит под сомнение, что Кузнецов мог совершенствоваться разговорный язык с немецкими специалистами на Уралмаше, т.к., по его мнению, «к середине тридцатых годов немецких специалистов на заводе не было». Райхель признает, что «судя по написанным книгам, посвященным методам изучения иностранных языков Ольга Михайловна Веселкина была хорошим педагогом», но отрицает учебу Кузнецова у Веселкиной «по той простой причине, что он в институте никогда не учился».

Следует заметить, что автор статьи заблуждается – Кузнецов постоянно, в течение всей своей жизни изучал и совершенствовал разговорный немецкий язык. Учителей у него было довольно много.

Немецким языком Кузнецов начал увлекаться занимаясь еще в школе-семилетке в Талице, где ему преподавала Автократова Нина Николаевна – прекрасный учитель, получивший образование в Швейцарии. Она знала французский и немецкий языки. Разговорный немецкий юный Ника Кузнецов осваивал в беседах с Францем Францевич Явурек – военнопленным чехом и военнопленным австрийцем Краузе –провизором в местной аптеке.

В Тюмене, где Кузнецов учился в сельскохозяйственном техникуме, он совершенствовал немецкую разговорную речь в беседах с Эдуардом Фердинандовичем Гунальдом – обезчиком Качкарихинского кордона. Там же он начал изучать язык эсперанто с преподавателем Георгием Николаевичем Беседных и добился таких успехов, что его даже приняли в Союз эсперантистов (чл. билет 47001).

В Кудымкаре, куда был направлен Кузнецов на работу, он изучает немецкий язык под руководством преподавателя педагогического техникума, полиглота Николая Михайловича Вилесова, владевшего восьмью языками. Совершенствуется в разговорном немецком с Кружецким А.А. Изучает коми-пермяцкий язык с Андреем Кылосовым.

По воспоминаниям жены Кузнецова Елены Петровны Чугаевой, в селе Кыва Кудымкарского района, Николай познакомился и часто разговаривал на немецком с поляком Станиславом Галиновским, который прекрасно знал язык.

В Свердловске, работая на Уралмаше, Кузнецов часто беседует на немецком с инженером Леонидом Константиновичем Грабовским и постоянно общается с немецкими специалистами, прибывшими на завод из разных земель Германии.

Работе иностранных, в том числе немецких специалистов, в период строительства и первых лет эксплуатации Уралмаша, посвящена статья технического специалиста компании «Profactor Armaturen GmbH» Густава Райш [4]. Автор отмечает, что с 1928 по 1941 год на заводе работало 311 иностранных специалистов, в их числе 141 немец. Естественно, в разные годы количество иностранных специалистов, включая немецких, менялось, но в целом указанные цифры совпадают с архивными материалами УЗТМ.

Для более глубокого изучения немецкого языка Николай Кузнецов поступает в Свердловске на областные курсы иностранных

языков по подготовке технических переводчиков, которыми руководила Ольга Михайловна Веселкина.

В статье представителя пресс-службы ФСБ России по Свердловской области, кандидата исторических наук Веры Вольфиной [5] документально подтверждается работа Николая Кузнецова на Уралмаше, его учеба на заочном факультете Свердловского индустриального института и областных курсах иностранного языка. Приводится производственная характеристика на расцеховщика КБ завода Уралмаш Николая Кузнецова от 9 июня 1935 года и его заявление от 25.09.1935 года. Подчеркивается, что в газете «За тяжелое машиностроение» за 1935 год была напечатана заметка о том, что Кузнецов, в числе других сотрудников Уралмаша «успешно окончил курсы по изучению иностранных языков, овладел техникой перевода и приобрел возможность свободного пользования технической литературой».

Сообщается, что согласно «трудовому списку» составленному на Уралмаше в 1935 году, в графе «где учится в настоящее время» Николаем Кузнецовым было указано – Заочный индустриальный институт.

Рис. 3. Николай Кузнецов (третий слева) в период работы и учебы в Свердловске

Автор статьи информирует читателей, что сотрудник институтской библиотеки А.Ф. Овчинникова в письмах к журналисту

И.Н. Тюфякову (хранятся в музее Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)) вспоминала, что Кузнецов посещал читальный зал и брал именно технические журналы.

В этой же статье уточняется, что в «архиве УрФУ, в описи, значится личное дело Н.И. Кузнецова под номером 635». Само дело, так же как и другие документы, были изъяты и находятся в Москве»

Следовательно, материалы ФСБ России по Свердловской области, опубликованные в 2011 году и приуроченные к столетию со дня рождения Николая Кузнецова, подтверждают, что Кузнецов являлся студентом – заочником Свердловского индустриального института, учился и закончил областные курсы иностранного языка, руководителем которых была О.М. Веселкина.

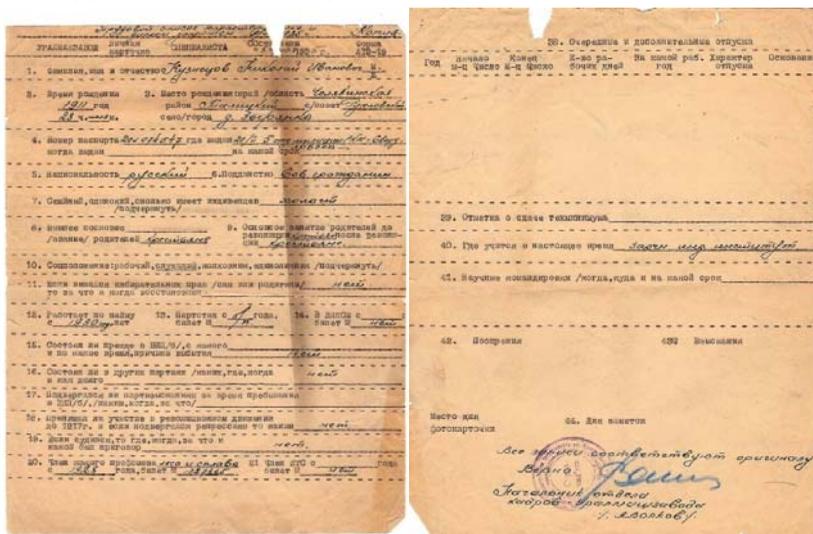

Рис. 4. Фрагмент анкеты Н.И. Кузнецова. Отдел кадров УЗТМ

Глава II. ПРОФЕССОР ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ВЕСЕЛКИНА

В результате исследований, выполненных старшим научным сотрудником Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера О.Н. Потемкиной совместно с заведующей кафедрой иностранных языков УрФУ, кандидатом педагогических наук Ж.А. Храмушиной и кандидатом педагогических наук А.О. Ильнером [6; 7] установлены интереснейшие сведения о жизни этого замечательного педагога.

Рис. 5. Профессор Ольга Михайловна Веселкина

О.М. Веселкина родилась 09 августа 1873 года в семье тайного советника М.М. Веселкина. Ее фамильные корни уходят глубоко в древность и имеют отношение к Рюриковичам.

Прапрадедом был магнат Станислав Потоцкий, портрет которого висит в постоянной экспозиции Лувра. Прадед – герой Отече-

ственной войны 1812 года генерал Алексей Бахметьев. Отец-Михаил Михайлович в разные годы занимал посты губернатора Олонецкой, Черниговской и Херсонской губерний.

Мать – Матильда Валерьяновна Веселкина (урожденная Столыпина) являлась троюродной сестрой М.Ю. Лермонтова. По линии Столыпиных Матильда Валериановна была родственницей философа Николая Бердяева. Родной брат Ольги Михайловны был контрадмиралом, флигель – адъютантом Николая II. В 1916–1917 годах он комендант Севастопольской крепости.

Ольга Михайловна окончила с серебряной медалью Московское училище ордена Святой Екатерины и историко-филологические курсы профессора Герье, училась в Сорбонне, стажировалась в педагогике в университетах Германии и Швейцарии.

В свои молодые годы она являлась фрейлиной Государыни Александры Федоровны. И не просто фрейлиной, а подругой императрицы. Как приближенная особа присутствовала на коронации Николая II.

Надо отметить, что фрейлинство О.М. Веселкиной оспаривается историками (Н.Б. Неуймин), но академик Красовский подтверждает этот факт.

В этой связи О.Н. Потемкина справедливо отмечает: «...независимо от того, был ли у нее «фрейлинский шифр» – соответствующий нагрудный знак фрейлины – Ольга Михайловна имела самое непосредственное отношение к правящему дому Романовых. Она была ближайшей соратницей великой княгини Елизаветы Федоровны на поприще благотворительности и милосердия, встречалась и нередко общалась со многими членами императорской фамилии и, наконец, сама приходилась дальней родственницей некоторым представителям династии Романовых»

В 1909 году императорским указом Ольга Михайловна была назначена начальницей Александровского института благородных девиц, так же, как и её мать, была потомственной главой этого института. Учебную часть института курировал почётный опекун Александр Александрович Пушкин – старший сын Александра Сергеевича и Наталии Николаевны Пушкиных. В этой должности она оставалась вплоть до роспуска института в 1918 году. Одновременно она состояла в должности председательницы попечительского комитета Иверской общины сестер милосердия.

Ольга Михайловна была хорошо знакома со многими известными литераторами и художниками. Поддерживала дружбу с Максимилианом Волошиным, с потомками поэта Федора Тютчева, была знакома со Львом Николаевичем Толстым и его дочерьми. Ее троюродная сестра – Софья Николаевна Философова была замужем за старшим сыном писателя Ильей Львовичем.

Теплые отношения связывали Ольгу с известным русским живописцем Михаилом Нестеровым, который в письмах называл ее «оригинальнейшим человеком» и «любимым собеседником»

После революции Ольга Михайловна продолжала жить в Москве. Об эмиграции не помышляла. С 1918 по 1923 год работала в библиотеке Румянцевского музея, где заведовала иностранным отделом.

В 1923 году она была арестована и провела несколько месяцев в тюрьме. Решением областной коллегии ОГПУ О.М. Веселкина, как «социально чуждый элемент», подвергнута административному наказанию в виде ссылки в Сибирь.

В дороге ей стало плохо и ее высадили на станции Екатеринбург, поместили в тюремную больницу. При выписке присвоили статус «административно-ссыльная» и предложили найти себе работу. Она устроилась няней к одному из служащих. Когда ребенок заговорил по-французски, родители поняли, что няня личность незаурядная и помогли найти работу. В Екатеринбурге (с 14.10.1924 года по 23.09.1991г. город Свердловск) она останется работать до конца своих дней.

В 1929 году Веселкина Главный библиотекарь фундаментальной библиотеки Уральского индустриального института. В Свердловске создала и возглавила областные курсы иностранных языков по подготовке технических переводчиков. Такие курсы были остро необходимы, т.к. в городе было много зарубежных специалистов занятых на строительстве Уралмаша.

С 1930 года О.Н. Веселкина основатель и руководитель кафедры иностранных языков Свердловского индустриального института. Она была прекрасным, строгим преподавателем, влюбленным в свое дело. Одевалась как подобает женщине из высшего общества. Студенты ее любили. Уважение к ней было безграничным.

В период Великой отечественной войны она работала «по специальным заданиям военного ведомства». В 1944 году за выдающийся вклад в дело подготовки специалистов для народного хозяйства, награждена Орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Скончалась Ольга Михайловны в 1949 году и была похоронена на Михайловском кладбище Свердловска. На этом кладбище 7 октября 2022 года был открыт новый памятник Ольге Михайловне Веселкиной – профессору, основателю кафедры иностранных языков УрФУ [8].

Учеба на курсах и общение с О.М. Веселкиной оказало огромное влияние на формирование личности Николая Кузнецова, на его мировоззрение, глубокое знание немецкого языка с его региональными акцентами, понимания правил этикета, обычаев и культуры немцев.

Общение с Ольгой Михайловной повлияло на манеру поведения Кузнецова. Он сознательно, во всем старался выглядеть европейцем. Этому способствовали и частые, доверительные беседы с немецким инженером-конструктором Генрихом Затлером, который советовал Кузнецову, что если он хочет чтобы исчезла холодность в отношении с немецкими специалистами, надо сменить костюм и выглядеть более-менее по-европейски. Поэтому ушли в прошлое юнг-штурмовка, португя, высокие сапоги и кудлатая папаха. Кузнецов научился одеваться непринужденно и элегантно, что было необычно для рабочего Свердловска тех лет.

Отутюженный костюм, мягкая шляпа, надетая, как положено-бабочка на ленте слева, правильно подобранные по цвету рубашки и галстуки. Иногда он даже шокировал окружающих своим видом – серое полупальто с широким поясом, американские ботинки на толстой подошве, брюки-гольф, высокие носки, кожаные краги, серое кашне в крупную клетку [9].

Имея выдающиеся лингвистические способности, Кузнецов постоянно занимался немецким языком, поддерживая его в рабочем состоянии. О его исключительной работоспособности свидетельствуют в своих воспоминаниях его друзья юности, сотрудники, занимавшиеся его разведподготовкой для работы за линией фронта и боевые товарищи с которыми он воевал в тылу врага..

Полковник Федор Иванович Бакин, готовивший Кузнецова вместе с Саулом Львовичем Окунем для работы в оккупированном Ровно, вспоминал, что Кузнецов поражал их своим трудолюбием и буквально замучал просьбами предоставления огромного количества словарей, справочников по Германии, научно-технической, военной литературы на немецком языке.

Теодор Гладков утверждает, что «в определенном смысле Кузнецов был уникалом. К августу 1942 года (моменту заброски в тыл врага) кроме усредненного чистого «хохдойч» он владел семью диалектами немецкого языка. Умел говорить по-русски с немецким акцентом».

Хохдойч (верхний немецкий) – это стандарт немецкого языка. Когда –то это был диалект Верхних районов Германии. Формально на территории Германии и соседних стран существует 32 диалекта. Для такой относительно небольшой страны это довольно большая цифра.

На курсах иностранных языков О.М. Веселкиной Кузнецов в совершенстве освоил берлинский диалект немецкого языка, распространённый в Берлине и окрестностях Бранденбурга.

Генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман вспоминал, что когда ему первый раз позвонил Кузнецов по телефону, он передал трубку разведчику недавно вернувшегося из Германии. Поговорив с ним по-немецки, он сказал, что Кузнецов говорит «как истинный берлинец».

Этот факт используют некоторые исследователи, в том числе и Юрий Райхель, утверждая что Кузнецов, владея берлинским диалектом, не мог не вызвать подозрений общаясь с Эрихом Кохом выходцем из Восточной Пруссии и говорившем на верхнепрусском диалекте (нем. *Hochpreußisch*) — бывшим в употреблении в Восточной Пруссии.

Здесь надо пояснить, что берлинский диалект представляет собой смесь нескольких различных диалектов, образовавших т.н. «городской язык», метролект.

Берлин в конце XIX – начале XX века являлся экономическим и политическим центром Германии, значение которого постоянно росло как прусской метрополии. В языке жителей Берлина присутствовал верхнепрусский диалект. В этой связи Эриху Коху в процессе беседы было сложно заподозрить Кузнецова. Тем более, что

аудиенцию Эрих Кох вел на так называемом языке нацистской Германии (*Sprache des Nationalsozialismus*), который являлся совокупностью лексических, семантических и фразеологических явлений характеризующих язык официозных публикаций и пропаганды [10]. Это был продукт превращения агитаторского языка НСДАП в официальный стиль.

Главари рейха говорили на различных диалектах немецкого языка, но с 1933 года в их официальных выступлениях, беседах и аудиенциях превалировала лексика языка нацистской Германии, которая служила опознавательным знаком партийцев-единомышленников и поддерживала ощущения единства и сплоченности членов нацистской партии. Вот на этом языке «расы господ» говорил гауляйтер Украины с обер-лейтенантом Паулем Зибертом.

Версии «обличителей и разоблачителей» Кузнецова в том, что он не мог так знать хорошо немецкий язык и обычаи немцев, чтобы не вызвать подозрений, разбиваются об один простой факт, который отрицать невозможно. Это аудиенция Николая Кузнецова у гауляйтера Украины Эриха Коха 31 мая 1943года, которая продолжалась более сорока минут.

Если бы у Коха и охранявшей его многочисленной службы безопасности возникло хотя бы малейшее подозрение, Кузнецов не вышел бы живым из здания рейхскомиссариата. После беседы с Кохом, его адъютант Бабах, верховный судья Украины Функ и другие офицеры, находившиеся в приемной гауляйтера, поздравили Кузнецова с положительным решением его вопроса и с тем, что он оставил о себе столь благоприятное впечатление. Ни у кого из присутствующих Кузнецов не вызвал никаких подозрений.

Однако некоторые современные исследователи убеждены, что им известна причина, по которой гауляйтер Украины Эрих Кох не обратил внимание на диалект Кузнецова, который, как пишет Юрий Райхель, «немецкое ухо безошибочно определяет из какого региона тот или иной человек».

Юрий Комягин считает, что Эрих Кох мог быть ... советским разведчиком! Он поясняет: «... в юности Кох увлекался социалистическими идеями. В 1943 году прекрасно понимал, что война Германией проиграна. Поэтому ним на связь могли отправить Кузнецова. Агентурной работой Кузнецов занимался до войны, так что, дело знакомое...».

На подобные домыслы можно было бы не обращать внимания, но Комягин и Райхель пытаются, как было показано выше, поставить под сомнение работу Кузнецова в тылу врага и утверждают, что сбежавший на Запад разведчик Хохлов действовал более эффективно. В этой связи необходимо ответить на не обоснованные обвинения.

Николая Хохлова действительно пытаются объявить «героем минского подполья», внесшим «решающий вклад» в уничтожение палача Белоруссии В. Кубе.

Олег Усачев отмечает: «главную роль в этой операции сыграли только два человека Николай Хохлов и Карл Кляйнюнг, а мину, по приказу Хохлова (!), из леса принесла Мария Осипова. (Усачев О.И. Кто и зачем убил Вильгельма Кубе. Неизвестная история. Минск: Харвест, 2013. – 368 с.). Заметим, что Мария Борисовна Осипова была резидентом военной разведки и выполняла приказы только руководства Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Поэтому Николай Хохлов вообще не мог ей отдавать никаких приказов.

Юрий Райхель утверждает: «...разведчик Хохлов пронес в дом руководителя оккупационной администрации Генерального комиссариата Белоруссии в Минске Вильгельма Кубе мину» [1].

С Олегом Усачевым и Юрием Райхелем солидарен и Юрий Комягин, который не сомневается в том, что именно Хохлов пронес мину в дом Кубе. В своих оценках более сдержан профессор, доктор исторических наук Э.Г. Иоффе, но и он замечает, что «ряд исследователей замалчивает роль Николая Хохлова в операции «Возмездие» по уничтожению палача Вильгельма Кубе».

Операция «Возмездие» по уничтожению Генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе действительно полна загадок, тайн и белых пятен, но роль в ней Николая Хохлова установлена предельно точно. И здесь никто ничего не замалчивает. В этой операции разведчик Николай Хохлов играл второстепенную и мало-значимую роль.

Эта операция была разработана командиром отряда «Димы» капитаном Давидом Ильичем Кеймахом (Корниенко) и его заместителем по агентурной разведке, будущим Героем Советского Союза Николаем Петровичем Федоровым (Колокол).

Рис. 6. Давид Ильич Кеймах

Рис. 7. Николай Петрович Федоров

В ней принимали участие партизанские отряды: «Димы», «Местные», «Гром», «Железняк», оперативные группы НКГБ «Юрий» и «Мстители», бригады «дяди Коли» и «200-ая им Рокоссовского».

В ночь на 28 августа 1943 года в оперативный отряд НКГБ «Юрий», под командованием Эммануила Соломоновича Куцина (Варте), самолетом из Москвы доставили двух агентов 4 Управления НКВД СССР Николая Хохлова и немецкого антифашиста, участника боев в Испании, подрывника Карла Клейнюга. Задание – принять участие в операции по уничтожению Кубе.

По разработанной легенде Николай Хохлов являлся старшим лейтенантом тайной полиции Отто Витгенштейном, который служил во фронтовом отделении №49 и прибыл в Минск из города Орши. Карл Клейнюг имел звание унтер-офицера немецкой полевой полиции и был адъютантом Отто Витгенштейна.

Решение отправить их вдвоем определялось тем, что Хохлов не знал в совершенстве немецкий язык, обычаи и привычки немцев. Ему только исполнился 21 год. Опыта работы в тылу врага у него не было и, как следствие, им были совершены ошибки, которые только по счастливой случайности не привели к трагедии.

Основная нагрузка в этой группе, по замыслу командования, ложилась на Карла Клейнюга, который был этническим немцем, уроженцем города Ремшайд, имевшим десятилетний опыт борьбы с фашизмом на территории Германии и Испании. Руководивший подготовкой агентов опытный советский разведчик Наум Исакович Эйтингон (генерал Котов) считал, что «адъютанту офицера можно говорить больше фальшивого старлея».

Взрывных устройств в дом Вильгельма Кубе Хохлов не пронесил, т.к. посторонним попасть в резиденцию Кубе было невозможно. Даже находиться в Минске на улице Энгельса у дома 27, где располагалась резиденция Кубе, было категорически запрещено.

Для ликвидации палача Белоруссии было принято решение о привлечении к проведению операции Елены Мазаник – горничной из обслуживающего персонала в доме Кубе.

Николаю Хохлову, по указанию подполковника Куцина, удалось выйти на Елену Мазаник. Он с ней встречался дважды: 15 и 19 сентября 1943 года. Войти в доверие и завербовать Мазаник он

не смог. Действовал не достаточно профессионально. В своих воспоминаниях Хохлов утверждает, что Мазаник согласилась с ним работать и он ей передал английскую мину, завернутую в пакет.

На допросе в Москве, куда Елену Мазаник вывезли после проведения операции, она подтвердила, что Хохлов у нее был и попросил оставить какой-то пакет, но она его даже не раскрывала. Встречу сочла провокацией немецкой контрразведки и категорически отказалась от сотрудничества с ним, опасаясь за свою жизнь и жизнь своих родных. В Минске СД имела развитую агентуру среди местного населения.

К моменту встречи с Хохловым Елена Мазаник уже состояла на связи с Надеждой Троян (резидент НКГБ «Канская») и Марией Осиповой (Ганна Черная) агентом Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, которой Елена дала свое согласие на участие в Акте возмездия.

В ночь на 22 сентября Кубе был взорван миной, установленной в спальне Кубе. Кто именно установил мину в спальне Кубе до сих пор является предметом дискуссий. Дело в том, что Елене Мазаник было запрещено входить на второй этаж, где была расположена спальня. На каждом этаже дежурила охрана. Все двери в доме, в том числе и спальня, всегда закрывались на ключ. Ключей от спальни у Мазаник не было. Поэтому не исключено, что у Елены был сообщник, имевший доступ в помещения. В этой связи упоминается работавший в доме истопником Лев Либерман. В Национальном архиве Белоруссии находится отчет командира специального отряда Белорусского штаба партизанского движения, майора госбезопасности Степана Ивановича Казанцева от 05.02.1944 в котором сообщается, что взрывное устройство в спальне Кубе установил Лев Либерман. Вполне вероятно, что Мазаник действовала совместно с Львом Либерманом. Эту версию нельзя исключать. Тем более, что Елена путается в своих показаниях о том, как была пронесена, установлена и подготовлена к взрыву мина. Перед смертью Елена Григорьевна Мазаник сказала загадочную фразу: «...настоящую правду о покушении на Кубе не узнают никогда». Узник гетто, комсомолец Лев Либерман погиб в 1943 году попав в облаву.

За успешное проведение операции «Возмездие» Указом Президиума Верховного Совета СССР № 215/121 от 29 октября 1943 года

Звание Героя Советского Союза присвоено Надежде Викторовне Троян, Елене Григорьевне Мазаник, Марии Борисовне Осиповой.

Рис. 8. М.Б. Осипова, Н.В. Троян, Е.Г. Мазаник (слева направо)

Этим же Указом за образцовое выполнение боевых заданий в тылу противника и проявленные при этом доблесть и мужество были награждены разведчики, принимавшие участие в этой сложнейшей операции. Среди них командир оперативной группы «Юрий» – подполковник ГБ Эммануил Соломонович Куцин, агенты Николай Евгеньевич Хохлов и Карл Клейнюг. В феврале 1944 года в Кремле Первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник вручил им ордена Отечественной войны первой степени.

После уничтожения Вильгельма Кубе Хохлов и Клянюг принимали участие в подготовке взрыва здания дачной резиденции Генерального Комиссара, где намечалось собрание зондерфюреров Белоруссии и готовили диверсию на танково-ремонтном предприятии. Эти операции провести им не удалось.

В 1954 году Хохлов изменит Родине и уйдет на Запад. 21 апреля 1954 года в американской миссии в Бонне Хохлов выступит перед мировой прессой с заявлением о своем бегстве на Запад и обратится с призывом обеспечить безопасность его семьи. В Советском

Союзе реакция последовала мгновенно. На следующий день его семью жену и сына арестовали. Военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила Хохлова к высшей мере наказания, а семью на пять лет сослали в Сыктывкар.

В своей книге «Право на совесть», изданной в 1957 году, Хохлов напишет: «Зимой 1954 года мне пришлось принять необычное решение... о решении я не сожалею...». Это лукавство. Он будет сожалеть о содеянном.

Рис. 9. Николай Евгеньевич Хохлов

Спустя почти полвека Н.Е. Хохлов подаст прошение Президенту России о помиловании. Текст этого документа содержит указание об искреннем раскаянии. В 1992 году Президент Б.Н. Ельцин его помилует, но реабилитации он не подлежит [11; 12].

В 2005 году, в интервью Комсомольской Правде, Николай Хохлов сделает признание: «Кубе взорвали девушки. Мину я Елене Мазаник не передавал, а моя заслуга в том, что заставил Мазаник

пойти на это...». Увы, но и эта «заслуга» не соответствует действительности [13].

Карл Кляйнюг после войны вернется на родину и будет участвовать в создании спецслужб Германской Демократической Республики. Станет генералом, начальником Главного управления МГБ ГДР, отвечающего за Национальную народную армию и пограничные войска. В 1981 году выйдет в отставку. Воссоединение Германии антифашист и интернационалист, советский разведчик Карл Кляйнюг, не признает, откажется получать пенсию от властей ФРГ и будет вывешивать перед своим домом флаг ГДР.

Рис. 10. Карл Кляйнюг

Подводя итог своей работы в Минске, Хохлов отметит: «В общем, все обошлось. Думаю, что помогло мое легкомысленное от-

ношение к опасности, свойственное ранней молодости». Это убедительный ответ оппонентам, утверждавшим, что Николай Хохлов действовал более эффективно, чем разведчик Кузнецов.

Для сравнения приведем результаты деятельности Николая Кузнецова, который провел за линией фронта 19 месяцев, а точнее 569 дней. Полученные им разведанные имели стратегическое значение:

1) установлены координаты ставки Гитлера севернее города Винницы. Кодовое название «Вервольф»;

2) определена дата начала проведения немцами операции «Цитадель» на Курской дуге;

3) сообщено о создании новейшего оружия вермахта ракетах «ФАУ-1», Фау-2» и о подготовке немцев к применению на Курской дуге химического оружия;

4) передана информация о подготовке операции «Длинный прыжок» – покушение на лидеров «Большой тройки» – Рузвельта, Сталина, Черчилля на Тегеранской конференции;

5) лично ликвидированы 11 генералов, а также высокопоставленных чиновников оккупационной администрации нацистской Германии.

Действуя в глубоком тылу врага на нелегальном положении Николай Кузнецов и Лидия Лисовская, по долгу сердца и человечности, спасали еврейских детей от геноцида немецко-фашистских оккупантов и их пособников украинских националистов.

В 2006 году на заседании комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, созданной при национальном институте памяти Катастрофы и героизма Яд Вашем (Израиль) было решено удостоить Лидию Лисовскую, которая в годы фашистской оккупации рисковала собственной жизнью ради спасения преследуемых евреев, звания Праведницы мира и наградить медалью Праведника народов мира. Ее имя высечено на Аллее Праведников Яд Вашема.

Рис. 11. Спасенная Николаем Кузнецовым и Лидией Лисовской Анна Зинкевич

В связи с вышеизложенным, невозможно сравнение работы молодого и неопытного агента Хохлова с деятельностью в тылу врага профессионального разведчика Кузнецова.

Глава III. АРЕСТ

Затрагивая тему арестов Кузнецова, следует отметить работу Леонида Павлова, который провел очень интересные исследования [14] и утверждает, что Кузнецова арестовывали в Свердловске дважды. Первый раз 3 октября 1934 года якобы за ложный донос и второй раз ориентировочно 28 ноября 1935 года.

Павлов приводит текст Постановления о прекращении 7 октября 1936 года уголовного дела в отношении Кузнецова, подписанный лейтенантом ГБ Казариновым, согласованного капитаном ГБ Ревинным и утвержденный Зам. начальника Управления НКВД, майором ГБ Самойловым. Текст Постановления приводится не на бланке. На нем отсутствуют подписи и есть ошибки. В частности, записано, что до ареста Кузнецов работал в издательстве газеты «За тяжелое машиностроение». В этом издательстве Кузнецов никогда не работал. Трудно судить о подлинности текста. Все должностные лица, упомянутые в Постановлении, были репрессированы в период 1937–1940 годов. Самойлов и Ревиннов расстреляны.

Павлов предполагает, что этот арест, возможно, был частью какой-то комбинации спецслужб.

С Уралмаша Кузнецов был уволен 28 января 1936 года по статье 47 КЗОТ (прогулы). Объяснения этого факта до сих пор нет, но можно предположить, что такое увольнение было связано с его работой в органах госбезопасности.

С 1936 года Кузнецов официально нигде не работает. Как агент он использовался по ряду агентурных разработок, связанных с различными контрреволюционными формированиями (шпионаж, вредительство и т.д.) Выполнял задания в качестве маршрутника по агентурным делам. Участвовал в разработке немцев.

Куратором Кузнецова в Свердловске, ВРИД начальника 4 отдела УКГБ УНКВД по Свердловской области Мирзах Леопольдом Львовичем, была дана характеристика на агента «КОЛОНИСТ» (Кузнецова Николая Ивановича). Характеристика могла быть написана в период между августом 1938 года (назначение на должность) и увольнением Мирзаха из органов в мае 1939 года (Приказ НКВД №1098 от 8 мая 1939 года).

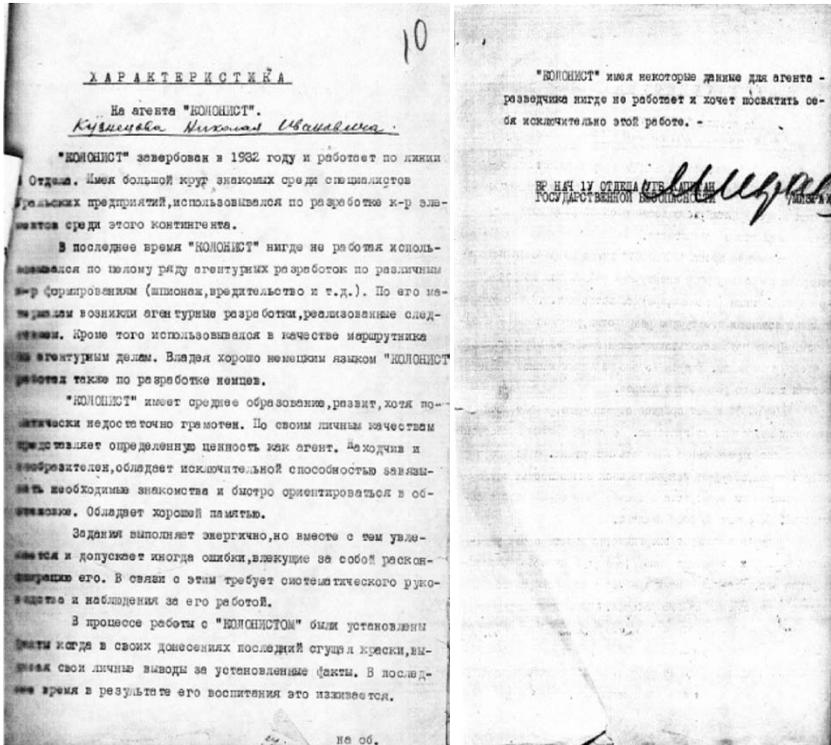

Рис. 12. Характеристика на агента «Колонист»

В характеристике отмечалось хорошее владение Колонистом немецким языком и то, что он по своим личным качествам представляет определенную ценность как агент, обладая исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обращалось внимание на его недостатки. В частности, иногда допускал ошибки, которые могли повлечь расконспирацию. Сгущал краски в донесениях и высказывал свои личные выводы за установленные факты. Был сделан вывод о том, что Кузнецов имеет данные для разведчика и хочет посвятить себя исключительно этой работе. Ни о каких арестах или судимостях в этом документе не указано.

В конце лета 1938 года Кузнецов был арестован и во время следствия находился во внутренней тюрьме УНКВД СССР по Свердловску.

ловской области. Это было время, когда по всей стране раскручивался маховик репрессий. В 1937–1938 годах было больше всего репрессировано и уничтожено людей. Это время назовут «Большим террором».

По переписи 1939 года контингент УНКВД по Свердловской области насчитывал 199 568 заключенных, что составляло 8% от всего населения области.

Решение о виновности в те страшные годы принимала так называемая «тройка». Возглавлял тройку начальник УНКВД по Свердловской области, комиссар госбезопасности третьего ранга Дмитрий Дмитриев (Плоткин М.М.). В состав тройки входили второй секретарь обкома партии Борис Бергман и председатель Свердловского облисполкома Алексей Грачев.

Начальником Управления НКВД СССР по Свердловской области Дмитриев был назначен в октябре 1936 года. Вместе с ним в Свердловск прибыли и были назначены на руководящие должности: Боярских Н.Я. – пом. начальника Управления, Варшавский Д.М. – зам. начальника Управления, Дашевский Я.Ш. – начальник оперативного отдела и пом. начальника Управления, Кричман С.А. – начальник отдела, Ерман М.Б. – зам. начальника отдела, Арров-Тандетницкий Л.С. – начальником НКВД на Свердловской железной дороге.

Прибывшие руководители начали репрессии с арестов группы чекистов аппарата Управления НКВД, которые в апреле 1937 года на областном активе в клубе им. Дзержинского открыто выступили с критикой порочных оперативно-следственных действий, проводимых Дмитриевым и его подручными.

После резких выступлений на активе, сотрудники УНКВД Весновский, Плахов, Моряков, Казанский, Курсевич, Абрамов, Лосев, Петухов, Воронов, Челноков, Самойлов, Буланов, Колесников, Мужиков, Баранов и другие были арестованы.

В результате кровавых чисток из старых кадров чекистов по области уцелели лишь единицы. Пересажав старый чекистский костяк, Дмитриев поставил задачу всех огульно опорочить и создать: из одних – членов контрреволюционной организации правых, из других – шпионов немецкой и латвийской разведок.

Дмитриев был на особом счету у Наркома НКВД Н.И. Ежова. «Берите пример с Дмитриева, – говорил на совещаниях Ежов, – у

него стопроцентная раскрываемость». Комиссар третьего ранга Дмитриев был действительно «отличным исполнителем» и показывал «результаты». В 1937–1938 годах под его руководством в регионе был раскрыт «антисоветский заговор», сорвано «вооруженное восстание», ликвидированы «участники Уральского повстанческого штаба».

Все эти «чудовищные преступления» на самом деле были лишь в воображении руководящих сотрудников НКВД. В архиве обнаружено письмо Дмитриева к Наркому Ежову с просьбой увеличить количества арестов по первой категории (расстрел) с 4000 до 6000 человек, но в итоге увеличение произошло более чем в 4,5 раза. Ряд исследователей утверждают, что в Свердловске и области в 1937–1938 годах было расстреляно почти тридцать тысяч человек. Вот такая была жуткая обстановка, когда Кузнецов находился под следствием во внутренней тюрьме УНКВД по Свердловской области. События, связанные с арестом Кузнецова, его нахождением во время следствия в подвалах внутренней тюрьмы Свердловского УНКВД, судом и освобождением из заключения вызывает множество вопросов.

Некоторые исследователи утверждают, что его арестовали по доносу.

Такое могло быть вполне возможным в условиях тотального доносительства того времени. Николай Кузнецов привлекал к себе внимание окружающих. Красивый молодой блондин – он жил в хорошо обставленной квартире со всеми удобствами, которая ему была представлена для работы в новом, престижном доме – коммуне «Гостяжпромурала» на главной улице Свердловска по адресу Ленина, 52. Это огромное здание, построенное по проекту архитекторов Валенкова и Короткова. Многочисленные корпуса этого здания, соединенные между собой, являлись одним сооружением, раскинувшимся на целый квартал. Дом имел более тысячи квартир и развитую бытовую инфраструктуру внутри. В Свердловске, в тридцатые годы XX века, было построено более дюжины таких конструктивистских жилых комплексов, называемых городками. Есть городок чекистов, работников милиции, военный городок и другие.

Кузнецов не был стеснен в средствах, выделялся своим элегантным видом и образом жизни. Обедал в столовой «городка чекистов», который находился напротив его дома. Бывал на концертах

в престижном клубе имени Дзержинского. Встречался с иностранцами. К нему часто приходили гости.

Утверждают, что в этом доме, в январе 1938 года, Кузнецов даже встречался с наркомом Коми АССР Михаилом Журавлевым (Андрей Ведяев. Разведчик номер один: Picture history-ЖЖ.Givejournal.com. 06.11.2017 г.). Это легенда. Такой встречи в январе 1938 года не могло быть по одной простой причине - Журавлев в это время работал в Ленинграде секретарем Ленинского райкома ВКП (б).

Поведение молодого человека бросалось в глаза бдительным гражданам. Ему завидовали и были доносы. Как писал по этому поводу Сергей Довлатов: «сказались тенденции исторического момента». Точно такая ситуация с доносами была в Москве, где Кузнецов работал в должности особо засекреченного спецаргента.

В интервью Н.М. Долгополову писатель Т.К. Гладков отмечал, что поскольку все видели, что Кузнецов в Москве общается с иностранцами, посещает рестораны, театры, живет на широкую ногу, на него была куча доносов. Чуть ли не два тома. При этом самый активный сочинитель доносов был его сосед по коммунальной квартире. Доносы шли на самый верх. Дело дошло до того, что Кузнецова в разработку взяла контрразведка. Сообщения о нем постоянно ложились на стол начальника Главного управления государственной безопасности В.Н. Меркулова. Неизвестно чем бы все это закончилось для Кузнецова, если бы не личное вмешательство Меркулова. В Свердловске, по-видимому, такой поддержки не было.

С обвинением, выдвинутым против Кузнецова, имеются различные мнения. По версии Т.К. Гладкова Кузнецову «чуть не вменили страшную 58 статью УК СССР». Эта статья (конкретно 58-1; 58-1а – 58-1г; 58-2 -58-14) устанавливала ответственность за контрреволюционные преступления, причем статьи 58-1; 58-1а -58-1г подразумевали высшую меру наказания, т. е. расстрел с конфискацией имущества.

Анна Федорова уточняет, что Кузнецова арестовали за связь с немцами и ему предъявили обвинение по статье 58-10 УК СССР «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению или

ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». По этой статье предусмотрено было лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Из публикаций Веры Вольфиной следует, что Николая Кузнецова судили по 95-й статье УК СССР (заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование лицам, а равно заведомо ложные показания данное свидетелем или экспертом при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу).

Исходя из анализа имеющихся материалов, можно предположить, что с обвинением, выдвинутым против Кузнецова, исследователи были правы.

Следователи Лугоцкий, Гайда, Хальков, Харин, Катков, Шейкман, Сааль и Титов в подвалах внутренней тюрьмы Свердловского УНКВД выбивали показания из заключенных требуя сознаться исключительно в контрреволюционной деятельности. Это был стиль работы подручных саграпа Дмитриева, служивших в оперативно-следственном аппарате областного Управления. Что касается Кузнецова, то его избивали, требуя признаний в совершении контрреволюционных преступлений, предусмотренных статьей 58-10.

Объясняя освобождение Кузнецова, писатель Т.Г. Гладков утверждает, что за него, как за молодого и очень талантливого и перспективного сотрудника, вступились ответственные товарищи из Свердловского УНКВД.

Можно предположить, что на этапе следствия удалось добиться переквалификации «политической» 58 статьи в 95 статью УК РСФСР по которой он и был осужден. О том, что Кузнецов был осужден и у него были две не снятые судимости, признают все исследователи его биографии. По 95 статье УК РСФСР от 1926 года наказание предусматривалось в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до трех месяцев. В соответствии со статьей 29 УК РСФСР 1926 года время предварительного заключения, до вступления приговора в законную силу, зачитывалось в обязательном порядке. Находясь под следствием более трех месяцев, Кузнецов полностью отбыл срок наказания и вышел на свободу. В его освобождении положительную роль сыграли происходящие в стране события.

Решением Политбюро ЦК ВКП (б) и Постановлением СНК СССР от 17 ноября 1938 года внесудебные тройки были ликвидированы. Со своих были должностей сняты и преданы суду сотрудники карательного аппарата, причастные к фальсификации уголовных дел. Из тюрем освобождались подсудимые, чья вина так и не была доказана. Масштабы репрессий резко сократились. Большой террор завершился. В конце 1938 года в стране было освобождено 279 966 человек. В том числе на свободу вышла часть осуждённых и отправленных в лагеря [15].

Все причастные к беззакониям в Свердловском УНКВД были арестованы и осуждены к различным срокам наказания. Дмитриев-Плоткин, Арров-Тандетницкий, Шмулевич и Шариков приговорены к расстрелу. Сменивший 22.05.1938 г. Дмитриева на посту начальника Свердловского УНКВД Виктор М.П. (Новоселов), был арестован, осужден на 15 лет лагерей и умер в тюрьме. В реабилитации ему отказано.

Глава IV. ОСВОБОЖДЕНИЕ. КТО ВЫ, РАЗВЕДЧИК КУЗНЕЦОВ?

Судя по хронологии событий, на свободу Кузнецов мог выйти в конце 1938 года.

История с арестом, заключением под стражу и освобождением породила многочисленные конспирологические версии «обличителей и разоблачителей», утверждавших, что в тюрьме Кузнецов был замучен, расстрелян, сгинул в сталинских лагерях. Ходят упорные слухи, что НКВД его «специально убрало», чтобы воспользовавшись документами Кузнецова заменить его на профессионального разведчика, немца по национальности, долгое время работавшего в Германии. Другие вариации на эту тему звучат так, что этим разведчиком был завербованный НКВД опытный сотрудник английской разведки, который в 1944 году ушел на Запад.

Поскольку остаются сомнения в том, что из тюрьмы вышел именно Николай Кузнецов, а не его двойник, обратится к фактам, опубликованным в открытой печати.

Выйдя на свободу, Кузнецов встречался со своим другом юности Федором Александровичем Белоусовым, которому рассказывал, что его в тюрьме так избивали, что выпали все волосы. Такое он мог поведать только лишь очень близкому человеку, которому полностью доверял. Освобожденные давали подписку о неразглашении того, что с ними происходило в местах лишения свободы.

После освобождения Кузнецов приезжал за документами в Кудымкар. Кудымкар- небольшой, очень красивый город на северо-западе Пермского края, где сливаются реки Кува и Иньва. С Кудымкаром у Кузнецова были связаны радостные и печальные воспоминания. Здесь он провел очень важные четыре года своей жизни. Приехав сюда в апреле 1930 года после окончания Талицкого лесного техникума, он устроился на скромную должность помощника таксатора в местном земельном управлении. В этом городе он женился на Елене Чугаевой, сменил имя и стал Николаем. Здесь боролся с кулаками и был привлечен к сотрудничеству с ОГПУ. В Кудымкаре был безвинно осужден и после отбытия условного наказания в 1934 году уехал в Свердловск.

В этот приезд Кузнецов встречался с Еленой Чугаевой. Об этом она рассказала в одном из интервью. В их отношениях было много

странного. Они зарегистрировали брак 2 декабря 1930 года, а расторгли 4 марта 1931, после трех месяцев вообще-то счастливой жизни. Что касается Елены Петровны, то она в 1934 году поступила Пермский медицинский институт. Во время Великой Отечественной войны служила врачом в 32 дивизионном госпитале 79 гвардейской стрелковой дивизии Дальневосточного военного округа, в войсковом лазарете 1315 стрелковой дивизии. Окончила войну в звании майора медицинской службы. Демобилизовалась после победы над Японией. После войны проживала в Алма-Ате и никогда не признавалась в том, что она была женой легендарного разведчика.

Рис. 13. Елена Петровна Чугаева

Друг Николая Кузнецова Ф.А. Белоусов утверждает, что в июне 1939 года встретил Николая в Москве, когда приехал со своим коллегой сдавать годовой отчет в главк. Со слов Белоусова, Кузнецов шел с красивой женщиной и общался с ней на немецком языке. Более того, на следующий день Кузнецов пришел к ним в гости. Они

сидели в кафе гостиницы «Националь». Перед уходом Кузнецов в качестве подарка вручил Белоусову на память свою шляпу. Этому был свидетель – коллега Белоусова, начальник планового отдела их организации, по фамилии Ракша.

В рассказе Белоусова есть неточность. Встреча в Москве не могла произойти в мае 1939 года. В это время Кузнецов еще работал в Коми АССР. Встреча эта могла состояться, по-видимому, весной 1940 года [16, с. 56].

Младший брат Николая Кузнецова – Виктор встречался с Николаем Кузнецовым в Москве, в конце 1941 года, перед отправкой на фронт. Более трех часов братья провели в его московской квартире. Прощаясь, Виктор подарил брату бритвенный прибор и набор лезвий.

В 2018 году Герой Российской Федерации, полковник Алексей Николаевич Ботян (легендарный майор Вихрь, спасший Краков от уничтожения) сообщил в интервью, что в конце 1943 года, примерно в 30 км западнее города Ровно, он вместе с командиром разведывательно-диверсионного отряда «Олимп» В.А. Карасевым встречался с Н.И. Кузнецовым и командиром отряда «Победители» Д.Н. Медведевым, которых они пригласили к себе в гости. Вопросы Кузнецову во время этой встречи в основном задавал Ботян, как заместитель командира отряда по разведке.

Алексей Николаевич отметил, что Кузнецов безукоризненно владел немецким языком и был очень похож на немца. У него было очень хорошее прикрытие – интендант и возможность входить в любое немецкое учреждение. Ботян даже подумал – вот бы мне так! Отвечая на вопрос корреспондента: «на Украине иногда говорят, что Кузнецов мол легенда, продукт пропаганды» Алексей Николаевич рассмеялся и сказал: «Какая легенда – я его сам видел. В бане вместе были» [17].

В беседах с врачом партизанского отряда А.В. Цессарским, посвященных спасению Николаем Кузнецовым детей от Холокоста, автор этих строк поднимал тему происхождения Кузнецова. Альберт Вениаминович, был абсолютно уверен в том, что он родом из Сибири. Это подтверждают в своих воспоминаниях Л.Ф. Райхман, П.А. Судоплатов, С.Л. Окунь, Ф.И. Бакин, Д.Н. Медведев, М.М. Шевчук, А.А. Лукин, В.С. Рясной, В.К. Довгер, водитель Кузнецова Николай Струтинский, связники Николая Кузнецова Ровно и в Луцке Нухэм Кон (Метек) и Арон (Олег) Чеповский.

Свидетельские показания разных людей, не связанных друг с другом, неопровержимо свидетельствуют, что никакой подмены Николая Кузнецова на какого-то другого человека в период его заключения в тюрьме Свердловского УНКВД не было.

Об этом же убедительно свидетельствуют фотографии Николая Кузнецова в детстве, юности, во время работы на Урале, а также кадры оперативной съемки на конспиративной квартире в Москве.

Рис. 14. Николай Кузнецов в юности
и в период работы в Свердловске

Рис. 15. Оперативная съемка встречи Кузнецова на конспиративной квартире с немецким агентом, советником дипломатической миссии Словакии в Москве Гейза Ладиславом Крно. 1940 год

Это же лицо на фотографиях, выполненных полковником М.Б. Маклярским в период разведподготовки Кузнецова, где он снят в форме летчика авиачастей войск НКВД, в форме офицера вермахта и люфтваффе. Эти снимки были использованы Георгом Миллером и П.Г. Громушкиным при изготовлении документов для работы Кузнецова в тылу врага.

Вместе с тем об истинном происхождении Кузнецова не знало даже руководство КГБ СССР. Там полагали, что он был этническим немцем из Поволжья. Этого мнения придерживался начальник четвертого(секретно-политического) управления КГБ СССР, генерал-лейтенант Е.П. Питовранов.

В этом нет ничего удивительного. К моменту создания КГБ (март 1954 г.) никого из тех сотрудников, кто руководил и курировал работу Кузнецова в Москве, контролировал действия разведчика тылу врага, уже не было в спецслужбах. Они были либо изгнаны из органов, либо арестованы, или расстреляны.

П.А. Судоплатов отмечал по этому поводу: «тюрьмам, гонениям, ссылкам были подвергнуты все без исключения руководители разведки, контрразведки и самостоятельных служб» [20]*.

Глава V. РАБОТА В КОМИ АССР

После освобождения из заключения жизнь Кузнецова на Урале полна белых пятен и загадок. О том времени Теодор Гладков повествует: «И тут Николаю повезло еще раз: судьба свела его с хорошим человеком, недавно приехавшим из Москвы новым наркомом НКВД Коми АССР Михаилом Ивановичем Журавлевым, которому дали в Правительстве поручение

навести порядок в заготовках на Северном Урале и прилегающих территориях леса (тогда еще не было здесь на лесоповале многих десятков тысяч узников ГУЛАГа). Дела этого Журавлев, в прошлом ленинградский заводчанин и партийный работник, разумеется, не знал, а руководить одними «вливаниями» не умел и не хотел. Ему нужен был помощник, квалифицированный специалист в области лесного хозяйства. В качестве такового в поле его зрения попал Николай Кузнецов».

Далее Т.К. Гладков сообщает, что Журавлев успешно выполнил приказ Москвы, заслужил поощрение Центра и справедливо полагал, что в какой-то степени обязан этим Кузнецову.

О том, как Николай Кузнецов оказался в Москве Теодору Гладкову рассказал один из руководителей советской контрразведки в те годы, бывший генерал-лейтенант Леонид Федорович Райхман.

Цитируем: «После перевода из Ленинграда в Москву я был назначен начальником отделения в отделе контрразведки Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Кроме того, я преподавал некоторые специальные дисциплины на курсах в Большом Кисельном переулке, где готовили руководящие кадры для нашего ведомства. С одним из слушателей, Михаилом Ивановичем Журавлевым – умным и обаятельным человеком, мы подружились. Возможно потому, что он тоже из Ленинграда, где работал сначала, кажется, на заводе «Красный путиловец», а потом стал вторым или третьим секретарем райкома партии. По окончании курсов Журавлев сразу получил высокое назначение – наркомом НКВД в Коми АССР. Оттуда он мне часто звонил, советовался по некоторым вопросам, *поэтому я не удивился его очередному звонку, кажется, в середине 1938 года.*

– Леонид Федорович, сказал Журавлев, тут у меня есть на примете один человек, еще молодой, наш негласный сотрудник. Очень

одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

– Кто он? – спросил я.

– Специалист по лесному делу. Честный, умный, волевой, энергичный, инициативный. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали.

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлев никого рекомендовать не станет. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены или обслуживались случайными людьми».

Версия, изложенная Теодором Гладковым, очень важна. По сути это официальная информация от писателя, который был допущен к личному делу разведчика Кузнецова. Она проливает свет на то, как Николай Кузнецов оказался в Москве.

К сожалению, в этой версии есть неточности – Михаил Иванович Журавлев **не мог позвонить генералу Райхману в середине 1938 года**, т.к. в 1938 году он не был наркомом внутренних дел Коми АССР, не знал Кузнецова, а работал в Ленинграде.

Обратимся к фактам из биографии генерала М.И. Журавлева.

Рис. 16. Михаил Иванович Журавлев

С октября 1935 по сентябрь 1938 год он был на партийной работе в Ленинграде, где и познакомился с Л.Ф. Райхманом. Последняя занимаемая Журавлевым должность по состоянию на сентябрь 1938 года – секретарь Ленинского районного комитета ВКП (б). В октябре 1938 года Журавлева переводят в резерв ЦК ВКП (б).

В это время в стране происходят большие перемены. Политбюро ЦК ВКП (б) в 1938 году рассматривает вопрос о кадрах для НКВД и поручает наркомату организовать ускоренные курсы для подготовки сотрудников на 100 слушателей. Персонально Л.П. Берии и Г.М. Маленкову поручается отобрать слушателей на эти курсы из числа руководящих районных и областных партийных и комсомольских работников.

В этой связи в декабре 1938 года М.И. Журавлева направляют на краткосрочные курсы при высшей школе НКВД. На этих курсах в декабре 1938 года он встретился с Л.Ф. Райхманом.

После окончания курсов, **28 января 1939 года**, Журавлева назначают наркомом внутренних дел Коми АССР (Приказ НКВД СССР №174 от 28.01.1939 года). Он меняет на этом посту Д.Г. Ковалева, который был причастен к массовым репрессиям.

При назначении в Москве Журавлеву поручают очень важное задание – наладить работу с поставкой лесоматериалов.

В конце января 1939 года Журавлев приезжает в город Сыктывкар – столицу Коми АССР (ныне Республика Коми) и занимает кабинет во внушительном 4-этажном здании народного комиссариата внутренних дел расположенного по адресу улица Кирова, 38. В то время это было одно из красивых зданий в Сыктывкаре. Первомайские и октябрьские демонстрации проходили у этого здания, символизирующего не только достижения архитектуры, но и силу и значимость НКВД. В этом здании Журавлев проработает 16 месяцев. В конце апреля 1940 года его переведут на работу в Москву, в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Он был серьезным, культурным, спокойным, вдумчивым руководителем. Ему удалось избежать непосредственного участия в репрессиях – «тройки» были ликвидированы еще до его назначения на пост наркома.

Для того, чтобы разобраться с делами, познакомиться с людьми и, в частности, начать выполнение задания по наведению порядка, в том числе и в заготовках на Северном Урале и прилегающих территориях леса, естественно потребовалось время. Задачи перед ним стояли очень сложные. Край огромный. Площадь Коми АССР (415 900 квадратных километров) превосходит суммарную площадь таких государств как ФРГ, Нидерланды и Бельгия. Республика географически расположена в относительно высоких широтах. Климат суровый. По переписи населения 1939 года (перепись населения 1937 года была провалена «врагами народа» и ее руководители расстреляны) всего в Коми АССР проживало 319 тысяч человек. Из них: коми – 231301, русские – 70226, украинцы 6010, белорусы – 3323, немцы 2617. Кроме того, были зафиксированы американцы, курды, лаки, словаки, арабы, персы, голландцы, японцы, французы.

Формирование национального состава Коми, где наряду с коренными жителями коми, зыряне и русскими сейчас проживает более 50 национальностей, происходило в конце двадцатых – сороковых годов XX века и было связано с репрессивной политикой, проводимой в СССР в период Большого террора и Великой Отечественной войны.

Теодор Гладков несколько смягчает картину трагедии говоря о том, что в Коми АССР в тот период (конец тридцатых годов): «...еще не было на лесоповале многих десятков тысяч узников ГУЛАГа». К сожалению, были. Если в 1932 году в Коми АССР было 13,4 тысяч заключенных, то к 1938 году их число возросло до 54,8 тысяч. Плюс почти такое же количество прибыло трудпоселенцев (спецпереселенцев). Население Коми за счет ГУЛАГА в конце 30-х годов возросло почти в пять раз и этот процесс только усиливался. По степени насыщенности лагерями, спецпоселениями, колониями и тюрьмами Коми край занимает особое место в общей системе ГУЛАГа. Здесь отмечена наиболее высокая концентрация репрессированных, которая порой превышала численность местного «вольнонаемного» населения [18].

К концу сороковых годов в Коми АССР уже располагались 17 крупных лагерных структур, три лагеря для военнопленных, лагерь для интернированных, несколько колоний, 46 спецпоселков раскулаченных, около 100 мест спецпоселений депортированных жителей Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, более 20 тюрем, около 100 спецкомандатур.

Что касается поставок леса из Коми АССР, то эта проблема действительно стояла очень остро. Принятый в 1933 г. второй пятилетний план (1933–1937 гг.), который предусматривал рост лесозаготовок к концу пятилетки до 7,4 млн куб. м. был провален. В 1937 г. было заготовлено всего 4,7 млн куб. м.

Планы третьей пятилетки (1938–1942 гг.), в 1938 году также не были выполнены. Основная причина провала лесозаготовок заключалась в репрессиях. По сфабрикованному делу «контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов в лесной промышленности и сельском хозяйстве» было

по осуждено все руководство Коми АССР, включая первых секретарей обкома Коми Александра Семичева (1937 г.) и Павла Мурашева (1938 г.)

Поставленную перед Наркомом Журавлевым в 1939 году задачу выполнения плана лесозаготовок в Республике необходимо было срочно решать, а специалистов, уцелевших после репрессий, было очень мало.

После освобождения Николай Кузнецов в течение 1939 года работал в Коми АССР.

В многочисленных биографиях Кузнецова этот период не освещен. Возникает вопрос – как он туда попал. Здесь можно строить различные версии. Правду еще предстоит узнать, когда будут открыты архивы. Ясно одно, что после того, как Кузнецов «засветился» со своей второй судимостью, работать в Свердловске ему было нельзя.

Не исключено, что люди из госбезопасности, которые сумели вытащить Кузнецова из тюрьмы, отправили его подальше от палачей Свердловского УНКВД в Коми АССР. По-видимому, при принятии такого решения учитывалось его образование (он закончил лесной техникум) и опыт работы по специальности.

Подбирая для работы кадры, в поле зрения нового наркома НКВД Коми АССР Журавлева попал Николай Кузнецов как негласный сотрудник аппарата НКВД и специалист по лесному хозяйству, свободно владеющий коми-пермяцким и немецким языками. Это было очень важным обстоятельством, поскольку основным трудоспособным населением края были коми. Имелось также значительное число немцев, отличительными чертами которых являлось образование, трудолюбие, прилежание, пунктуальность, организованность и педантичность. В основном это были трудоселенцы, т.е. лица, выселенными из мест проживания, преимущественно в отдаленные районы страны без судебной или квазисудебной процедуры.

Усилиям нового наркома и его команды в 1939 году хроническое отставание в поставках леса было преодолено. Объем лесозаготовок к началу 1940 года, по сравнению с 1927 годом, возрос в почти в семь раз, тогда как в целом по стране – менее чем в 4 раза. Если производство пиломатериалов в 1937 году составляло в Коми

112 тыс. куб, то к 1940 году – 355 тыс. куб –увеличению в три раза. В этих достижениях была и частичка труда Николая Кузнецова.

Обращение Журавлева к Райхману с просьбой рассмотреть возможность использования Кузнецова в Центре имело под собой и другие, очень серьезные причины. Заключались они не только в прекрасном знании Кузнецовым иностранных языков или его ударной работой в лесном хозяйстве. Все было гораздо серьезней.

Дело том, что в 1939 году в Главном Управлении государственной безопасности (ГУ ГБ) НКВД СССР происходили серьезные кадровые изменения. В соответствии с совершенно секретным Приказом №00641, по состоянию на 29.09.1939 года, была утверждена новая структура ГУ ГБ НКВД, состоящая из 7 отделов.

2-й отдел ГУ ГБ НКВД СССР назывался «секретно-политическим» (СПО). В его задачу входила борьба с враждебными политическими партиями и антисоветскими настроениями.

Начальником второго отдела в сентябре 1939 года был назначен майор государственной безопасности Федотов П.В. Забегая вперед скажем, что это тот самый знаменитый «генерал Ф» на имя которого в марте 1944 года Кузнецов составит подробнейший отчет о своей работе на Западной Украине.

В СПО имелось 12 отделений. В частности, 5-е отделение 2 отдела ГУ ГБ занималось разработкой литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелями культуры и искусства.

Начальником 5 отделения 2 отдела ГУ ГБ являлся капитан государственной безопасности Л.Ф. Райхман. В связи с ротацией кадров Райхман был выдвинут на должность заместителя начальника 2-ого отдела ГУ ГБ НКВД ССР. Эту должность он занял 1 января 1940 года. Уходя на повышение, Л.Ф. Райхман на свое место предложил кандидатуру М.И. Журавлева, который показал очень хорошие результаты работы на посту наркома Коми АССР. Поэтому Райхман вел переговоры с Журавлевым о переводе в Москву.

Рис. 17. Леонид Федорович Райхман

Приказом НКВД СССР №522 от 22.04.1940 года Журавлев был назначен на должность начальника 5-го отделения 2 отдела ГУ ГБ НКВД СССР. Понимая, что ему придется на абсолютно новом месте руководить отделением агентурно-оперативной работы в среде интеллигенции он заранее тщательно подбирал людей, на которых можно было бы опереться в работе. Выбор на Кузнецова пал не случайно. За время работы Журавлев хорошо его узнал. Их многое объединяло – тяга к знаниям, увлеченность литературой, искусством, спортом, охотой. Оба беззаветно верили в идеалы социализма. Наконец они были просто ровесниками, которые хорошо понимали и доверяли друг другу.

Естественно, Журавлев самым тщательным образом изучил личное дело Кузнецова и все, что было связано с его судимостями. Понимая, что перед ним действительно уникальный самородок, Журавлев обратился к Райхману с просьбой о переводе Кузнецова в Москву, рассчитывая на его помощь в работе на новой должности.

Вот по какой причине произошел тот уникальный случай, когда из глухомани лесов и топей Коми края в Москву попал сибирский парень, которому предстояло войти в историю как самому выдающемуся разведчику Второй мировой войны.

Если принять за основу версию, которую озвучил писателю Т.К. Гладкову Л.Ф. Райхман, то исходя из хронологии событий, в Москву Кузнецов мог приехать либо в конце 1939 или в самом начале 1940 года. Так ли это? Правду мы узнаем лишь тогда, когда откроются архивы.

Интереснейший московский период в жизни Николая Кузнецова продлится до августа 1942 года. В ночь на 25 августа 1942 года, в обстановке строжайшей секретности, с Центрального испытательного аэродрома (ЦИА) имени Л.М. Кагановича, расположенного в Подлипках под Москвой, взлетел военно-транспортный самолет ЛИ-2 №1842401, пилотируемый экипажем 102-го авиаполка авиации дальнего действия (АДД) и взял курс на Западную Украину. На борту был особо засекреченный спецагент IV Управления НКВД СССР Николай Кузнецов. Он летел в тыл врага. Шел 430 день войны...

Продолжение следует...

*ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

После войны Нарком НКГБ В.Н. Меркулов и его заместитель по разведке и контрразведке Б.З. Кобулов были расстреляны.

Начальник 2 отдела ГУ ГБ НКВД СССР, генерал-лейтенант П.В. Федотов, знаменитый генерал «Ф» на имя которого Кузнецов напишет перед смертью отчет о проделанной работе в тылу врага, уволен из органов, лишен генеральского звания, орденов и исключен из партии.

Генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман, куратор Кузнецова арестован по так называемому позорному делу о «сионистском заговоре в органах госбезопасности».

Комиссар третьего ранга В. Н. Ильин, который с вместе Райхманом курировал работу Кузнецова в Москве, арестован в 1943 году. Без суда находился в тюрьме почти девять лет. После освобождения уехал из Москвы и работал грузчиком на железнодорожной станции в Рязани.

Генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, руководитель четвертого управления НКВД СССР, в подчинении которого с 1942 года находился Кузнецов, арестован в 1953 году и осужден на 15 лет. Полностью реабилитирован. После смерти возвращены ордена.

Полковник Зоя Вознесенская (Рыбкина) – легендарная разведчица, начальник «немецкого отдела», уволена из разведки и направлена на два года в Воркутлаг (один из лагерей ГУЛАГа) за то, что выступила в защиту Судоплатова на партийном собрании;

Куратор Кузнецова в Свердловске капитан ГБ Мирзах Л.Л. (звание капитана ГБ соответствовало званию полковника в РККА) был уволен из органов в 1939 году, разжалован и репрессирован. В 1942 году отправлен на фронт рядовым. Закончил войну в звании младшего сержанта. Награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 2 степени.

Полковник Л.И. Сташко (Олег Каминский), непосредственно руководивший разведподготовкой Кузнецова, уволен из МГБ в 1947 году.

Куратор Кузнецова в Москве сорокалетний полковник С.Л. Окунь в 1956 году уволен из органов КГБ. После увольнения работал заместителем директора ресторана «Арагви».

Легендарный разведчик, будущий Герой России Алексей Николаевич Ботян в 1955 году уволен из разведки по сокращению штатов. После увольнения работал администратором в ресторане «Арагви».

Командир партизанского отряда «Победители» полковник, Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев. Писатель, который первым рассказал в своих книгах о легендарном советском разведчике Николае Кузнецове. В 1946 году, сразу после награждения четвертым орденом Ленина, был вынужден уйти в отставку в возрасте 46 лет из-за угрозы репрессий со стороны Министра государственной безопасности В.С. Абакумова (арестован в 1951 году, в 1954 расстрелян).

После увольнения Медведев занялся литературной и общественной деятельностью. В этом ему помогал талантливый выпускник Литературного института. А.Б. Гребнев (Г.Б. Айзенберг). Книги Медведева «Это было под Ровно», «На берегах Южного Буга» произвели на читателей страны огромное впечатление, но сам автор и его произведения подверглись настоящей травле, беспочвенным обвинениям в искажении событий и подтасовке фактов со стороны поднимавших голову украинских националистов и поддерживающих их партийных деятелей.

В рецензии газеты «Винницкая правда» (1949 год) на книгу «Это было под Ровно» отмечалось : «Приходится сожалеть, что автор очень скупо, буквально в нескольких словах говорит о партийной, политическо-массовой работе подпольных большевистских организаций среди населения оккупированной территории. Недостатком книги является и то, что автор не раскрывает факт партийного руководства подпольным и партизанским движением».

Как отмечал разведчик Николай Струтинский, цензура совместно МГБ (Министерство государственной безопасности), потребовали провести согласование книги с первым секретарем Ровенского обкома партии В.А. Бегмой, который заявил: « нельзя все показывать без линии партийного руководства, без указания на то, что в Западной Украине в то время действовало партийное подполье».

С такой же критикой националисты обрушились на повесть Медведева «На берегах Южного Буга». Винницкие рецензенты обвинили Д.Н. Медведева в прямой фальсификации истории. Героев книг Медведева объявили лжеподпольщиками. Их стали травить,

обвиняя в бездеятельности во время гитлеровской оккупации, исключать из партии и преследовать. Медведева, Героя Советского Союза, выступавшего с лекциями перед читателями, объявили «театральным авантюристом и аферистом» По данным журналиста Хинштейна Медведевым заинтересовалось МГБ.

К сожалению, к травле присоединилась и Литературная газета, которая констатировала: «повесть в целом фальшивая, а ее автор политический ротозей» (Литературная газета от 10 февраля 1953 года).

Это все происходило в то время, когда на Западной Украине велась беспощадная вооруженная борьба с бандеровщиной, которая закончилась лишь в 1960 году. Размах и накал борьбы был таков, что за период 1944-1953 г.г. на Западной Украине было совершено 14 424 бандпроявлений. От рук бандитов погибло 30 766 человек. Эти цифры, предоставленные Председателем КГБ при СМ УССР В.В. Федорчуком для Верховного Совета УССР, считаются заниженными минимум в два раза. С Западной Украины вглубь страны было депортировано 88 428 человек, которые были напрямую связаны с бандитами.

Медведев боролся за восстановление честного имени партизан и подпольщиков. Это была борьба не просто за книгу, а за людей и за справедливость.

Работа подполья в Виннице, где находилась ставка Гитлера и Геринга, была намного тяжелей и во много раз опасней, чем в Ровно. В Виннице, где была расположена ставка Гитлера, просто свирепствовали службы безопасности Германии.

Чтобы опровергнуть обвинения, Д.Н. Медведев собрал огромный фактический материал о ровенском и винницком подполье и его людях, добивался создания специальной комиссии. 9 февраля 1953 года он обращается с письмом к Сталину и просит назначить комиссию, которая беспристрастно разобралась и прекратило «вопиющее безобразие, которое продолжается уже пять лет». Специальная Комиссия ЦК КПСС была создана.

В результате упорной, ожесточенной борьбы справедливость восторжествовала, но это стоило Медведеву жизни. Он скончался 14 декабря 1954 года, от сердечного приступа после разговора с редактором «Литературной газеты». Ему было 56 лет. Через две недели после его смерти газета «Винницкая правда», а затем Литературная газета опубликовали опровержение.

Как известно, рукописи не горят и все тайное становится явным.

Пройдет пятьдесят лет после указанных событий и будут опубликованы результаты расследования, которые вел О.В. Ракитянский – следователь Следственного отдела Управления КГБ УССР по Львовской области. Материалы свидетельствуют о преступном сотрудничестве первого секретаря подпольного Ровенского обкома партии Василия Бегмы и секретаря подпольного Ровенского горкома ВКП (б), Героя Советского Союза Терентия Новака со Службой безопасности рейхсфюрера СС (СД.) [18.].

Эта история потребует более тщательного изучения, но уже сейчас можно говорить о том, что на руках этих предателей кровь подпольщиков и партизан ровенского и винницкого подполья. Это они повинны в гибели Николая Кузнецова и его разведгруппы.

Список литературы

1. Юрий Райхель. С разведчиком Кузнецовым не все ясно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20111202/179099787.html>
2. Юрий Комягин. «Жизнь и смерть советского разведчика Николая Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurikan.livejournal.com/148723/html>
3. Kohn N. A voice from Forest. Memoris of a Jewich partisan / N. Kohn., prof, H. Roiter. – New York: Holocaust Library, 1980.
4. Райш Густав. Как потомок Иммануила Канта строил Уралмаш / Густав Райш // Все для стройки. – 2016.
5. Вольфина Вера. Уральский период жизни Н.И. Кузнецова: мифы и реальность / Вера Вольфина // АиФ-Урал. – 22.07.2011.
6. А была ли фрейлина // Журнал Уральский федеральный округ. – 2018. – №10. – С. 6.
7. Потемкина Ольга. Уральская фрейлина. Дочь тайного советника Ольга Веселкина / Ольга Потемкина // Уральский следопыт. – 2020. – №12.
8. Постников В. На могиле племянницы Столыпина и М.Ю. Лермонтова в Екатеринбурге открыли новый памятник / В. Постников // Вечерние ведомости. – 07.10.2022.
9. Гладков Т.К. Легенда советской разведки / Т.К. Гладков. – М.: Вече, 2004. – 119 с.
10. Клемперер В. ЛТГ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.
11. Долгополов Н.М. Надежда Троян / Н.М. Долгополов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 208 с.
12. Правда и мифы об операции «Возмездие» / СБ.Белорусь сегодня. – 25.09.2018.
13. Яковенко В. Если бы Кубе не взорвали, он закончил бы в концлагере / В. Яковенко, В. Табаков, Е. Валькович и В. Малишевский // Комсомольская правда. – 28.04.2005.
14. Павлов Л. У вас продается славянский шкаф? (публицистика) / Л. Павлов // Урал. – 2019. – №9. – С. 188–209.

15. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР / В.Н. Земсков // Социологические исследования. –1995. – №9. – С. 117–118.

16. Долгополов Н.М. Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта. Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Н.М. Долгополов. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 367 с.

17. Андрей Ведяев. Алексей Ботян. В Вихре огненных лет. Авторский блог. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/aleksej_botyan_v_vihre_ognennih_let?ysclid=le2utgylx210

18. Ракитянский О.В. Загадки и тайны ровенского подполья / О.В. Ракитянский // Военно- исторический архив. – 2003. – №6. – С. 84–95.

19. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н.А. Морозов; Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2000.

20. Судоплатов П.А. Победа в тайной войне 1941–1945 годы / П.А. Судоплатов. –М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 544 с.

Для заметок

Научное издание

Моносов Лев Моисеевич

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ
(ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ).
ЧАСТЬ I. 1935–1940 гг.**

Монография

Чебоксары, 2023 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н. В. Фирсова*

Подписано в печать 14.08.2023 г.

Дата выхода издания в свет 17.08.2023 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 3,255. Заказ К-1172. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
8 800 775 09 02
info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru